

Хотя октябрьский день в этом городе был жарким, ночи дышали прохладой.

Лин Чжи стоял на обочине, изображая пьяного, и с отсутствующим видом смотрел на небо. Несколько человек, желавших познакомиться, держались поодаль, заметив, что он сначала позвонил кому-то, а затем открыл на телефоне экран набора номера полиции.

Сегодняшняя ночь была усыпана мириадами звёзд, луны не было видно.

Лин Чжи отвёл взгляд от неба. Это были редкие мгновения, когда он мог полностью расслабиться.

Ему не нужно было ничего делать, лишь ждать Сун Цзячжу.

Не нужно было строить сложных планов, думать о бизнесе и деньгах. Это был мир школьной жизни, и он был уверен, что сможет выполнить миссию после выпускных экзаменов, не заботясь о способах заработка.

На нём не лежало никаких ожиданий, никакой ответственности.

Лин Чжи раскрыл ладонь, разглядывая линии на ней. Спустя мгновение его взгляд медленно пополз вверх, к маленькой родинке на запястье, словно он смотрел в далёкое, почти забытое прошлое.

Под тусклым светом фонаря силуэт девушки казался одиноким и покинутым.

Именно эту картину увидел Сун Цзячжу, когда подъехал и тут же вышел из машины.

Расстояние было приличным, поэтому он вызвал такси через приложение, которое позволяло оплатить поездку онлайн, без необходимости говорить.

Сун Цзячжу подошёл к Лин Чжи и внимательно всмотрелся в его лицо, чтобы убедиться, что не ошибся, после чего вызвал новую машину.

Он не мог говорить и не знал адреса Лин Чжи, поэтому единственным выходом было отвезти его к себе домой.

К его облегчению, Лин Чжи не устраивал сцен, что значительно упрощало ситуацию.

Он легонько коснулся плеча Лин Чжи. Тот сощурился, обхватил его лицо ладонями,

внимательно рассмотрел, а затем улыбнулся и прислонился к нему.

— Сун Цзячжу, ты пришёл.

Щёки Лин Чжи тронул пьяный румянец, аГлава 33

Хотя октябрьские дни в этом городе были жаркими, ночи приносили с собой прохладу.

Лин Чжи стоял у дороги, сохраняя вид полупьяного, и с отсутствующим выражением смотрел на небо.

Несколько парней хотели было подойти познакомиться, но, увидев, что Лин Чжи после звонка оставил на экране телефона номер службы спасения, лишь наблюдали издали.

Небо усыпали мириады звёзд, но луны в эту ночь видно не было.

Лин Чжи отвёл взгляд от неба. Это был один из тех редких моментов, когда он мог позволить себе расслабиться.

Ничего не нужно было делать, лишь ждать Сун Цзячжу.

Не нужно было выстраивать сложные планы, думать о бизнесе и деньгах. Это был школьный мир, и он был уверен, что сможет завершить миссию после выпускных экзаменов, не ломая голову над способами заработка.

Никаких ожиданий, никакой ответственности, которую он был бы обязан нести.

Лин Чжи раскрыл ладонь, разглядывая линии на ней. Через мгновение его взгляд скользнул выше, к маленькой родинке на запястье, словно он смотрел в далёкое, почти забытое прошлое.

В тусклом свете фонаря силуэт «девушки» казался немного одиноким.

Именно эту картину и увидел Сун Цзячжу, когда подъехал. Он тут же вышел из машины.

Поскольку расстояние было приличным, Сун Цзячжу вызвал такси через приложение, где можно было заплатить онлайн, без единого слова.

Он подошёл к Лин Чжи и внимательно всмотрелся в его лицо, чтобы убедиться, что не ошибся, после чего вызвал новую машину.

Он не мог говорить и не знал адреса Лин Чжи, поэтому единственным выходом было отвезти его к себе домой.

К его облегчению, Лин Чжи не устраивал пьяных дебошей, что значительно упрощало ситуацию.

Он похлопал Лин Чжи по плечу. Тот прищурился, обхватил его лицо руками, внимательно рассмотрел и, улыбнувшись, прислонился к нему.

— Сун Цзячжу, ты пришёл.

На щеках Лин Чжи играл пьяный румянец, а блёстки в макияже под глазами делали его таким же прекрасным и сияющим, как звёзды в ночном небе.

Такой Лин Чжи был ему совершенно незнаком. Не тот, что в школьной форме, и даже не тот, что без маски притворства во время их занятий. Это было нечто иное, неопишное, что заставляло Сун Цзячжу чувствовать себя неловко.

Он отступил на шаг, позволяя рукам Лин Чжи соскользнуть со своего лица, и поддержал его, но жар чужих ладоней, казалось, всё ещё оставался на коже. Он опустил глаза, избегая его взгляда.

Лин Чжи уловил запах стирального порошка, исходивший от Сун Цзячжу — тёплый, солнечный, с ноткой юношеской свежести. Он прислонился к нему и что-то напевал себе под нос.

Он не из тех, кто легко доверяется, но мысль о том, что Сун Цзячжу и Мин Яо, по сути, один и тот же человек, невольно добавила в его движения нотку доверия.

Сун Цзячжу, уставившись в телефон на приближающуюся машину, изо всех сил сдерживал желание оттолкнуть этого пьяницу.

Когда водитель подъехал, Сун Цзячжу усадил Лин Чжи в машину.

Приехав, он снова вытащил его наружу.

Всю дорогу пьяница вёл себя тихо, и Сун Цзячжу уже было вздохнул с облегчением, как вдруг Лин Чжи снова начал упрямиться.

— Сун Цзячжу, носи меня на спине.

Имя, повторяемое невнятным пьяным голосом, заставило Сун Цзячжу тут же зажать ему рот.

Звукоизоляция в старых домах была не лучшей, и Сун Цзячжу боялся, что завтра весь дом будет гудеть о том, как кто-то посреди ночи пьяно выкрикивал его имя.

— Ммф-ммф!

Лин Чжи, не в силах издать ни звука, смотрел на Сун Цзячжу и невинно моргал затуманенными глазами.

В этот момент сенсорная лампа в подъезде погасла. Фонарь снаружи давно был сломан, и в наступившей темноте зрение на мгновение отказало.

И в это же мгновение Сун Цзячжу ощутил на своей ладони тёплое, мягкое и влажное прикосновение.

Словно разряд тока пробежал под кожей, на миг лишая сил. Сун Цзячжу инстинктивно отдернул руку, ладонь будто обожгло огнём.

— Сун Цзя...

Он снова собирался назвать его имя.

Сун Цзячжу, стиснув зубы, зажал рот Лин Чжи другой рукой и, не давая ему опомниться, взвалил его на плечо и пошёл вперёд.

Лин Чжи был одет во что-то непонятное, но на ощупь его голени были гладкими, как шёлк. Сун Цзячжу крепче обхватил его и как можно быстрее поднялся по лестнице, открывая дверь.

Быстро захлопнув дверь, Сун Цзячжу собирался бросить Лин Чжи на диван, накрыть его одеялом и уйти в свою комнату, больше не обращая на него внимания.

Но Лин Чжи обхватил его слишком крепко, и когда он попытался сбросить его на диван, то сам, увлечённый силой, рухнул рядом.

Сун Цзячжу снова ощутил бессилие от своей немоты. Он попытался взглядом заставить Лин Чжи отпустить его.

Но пьяный человек совершенно не понимал его сигналов и, когда он попытался встать, снова навалился на него.

Сун Цзячжу сидел на диване. Худенький юноша оседлал его бёдра и уткнулся лицом ему в грудь.

Он уже собирался силой сорвать с себя этого человека, но тут услышал тихий шёпот Лин Чжи:

— Маленький немой, я скучаю по родителям.

Рука Сун Цзячжу замерла. Перед глазами снова возникли кровавые, жестокие картины прошлого. В полузабытьи он слушал обрывочные, сбивчивые рассказы Лин Чжи о жизни с родителями.

Информация, предоставленная системой, была ограниченной, поэтому после перемещения Лин Чжи сам изучил подробности дела Сун Цзячжу.

Из-за особой жестокости преступления грабитель, проникший в дом и убивший его родителей, давно был приговорён к расстрелу.

Тот, кто заслуживал смерти, уже был мёртв, но живым осталась лишь бесконечная боль.

Это был барьер, отгородивший Сун Цзячжу от всего мира, и единственная его уязвимость.

Хотя все и предполагали, что Сун Цзячжу — сирота, многие думали, что его родители просто очень заняты. Никто не знал его прошлого наверняка, поэтому упоминание Лин Чжи о родителях не вызвало бы у него отторжения, а лишь пробудило бы схожие чувства тоски.

Однако целью Лин Чжи была не эта мимолётная нежность. Он собирался оставить неизгладимый след в душе юноши, не видевшего ещё всей пестроты жизни.

Сун Цзячжу почувствовал, что с Лин Чжи что-то не так. Его голос становился всё медленнее, бёдра, которыми он сидел на нём, бессознательно задвигались, а рука потянула за воротник рубашки.

— Как-то странно...

На лице юноши, в котором смешались мужские и женские черты, отразилось беспокойство. Он расстегнул пуговицу на рубашке, обнажив ключицу.

Его взгляд был растерянным и обеспокоенным, словно он изо всех сил пытался заставить свой застывший разум думать.

Край плиссированной юбки колыхался в такт его движениям, принося с собой сухой, душный

зной лета.

Длинный локон парика упал ему на шею и тут же соскользнул вниз.

— Маленький немой, не двигайся.

Почувствовав, что Сун Цзячжу пытается его оттолкнуть, Лин Чжи произнёс это с ноткой раздражения.

Сун Цзячжу замер, но не собирался его слушать. Он хотел немедленно отстраниться.

Из-за слишком близкого расстояния он отчётливо уловил аромат Лин Чжи — приторный, хаотичный, словно грозящий окрасить и его жизнь в такой же беспорядок.

Когда он собрался резко встать и оттолкнуть Лин Чжи, чья-то рука накрыла его лицо, закрывая глаза.

— Не смотри.

Голос дрожал, и Сун Цзячжу даже показалось, что Лин Чжи вот-вот заплачет.

Зрение было заблокировано, но в его памяти всплыл тот урок физкультуры, когда под ослепительным солнцем Лин Чжи, глядя на него, проронил слезу.

Сун Цзячжу перестал его отталкивать. Он понял, что Лин Чжи, кажется, не собирался с ним ничего делать, а просто оказался в очень неловком, унижительном положении, и в этой унижительной неловкости он не хотел, чтобы на него кто-то смотрел.

Он ему не интересен. У этого сумасшедшего есть тот, кто ему нравится.

Соприкосновение, трение, нажим — это незнакомое, чрезмерно близкое ощущение заставило мочки ушей Сун Цзячжу слегка покраснеть, а брови — сдвинуться. Его руки, опущенные по бокам, невольно сжались в кулаки. Он хотел не слышать и не видеть.

Но в отсутствие зрения слух, казалось, обострился до предела.

Ночь была тихой. Настолько тихой, что Сун Цзячжу слышал только голос Лин Чжи.

Бессмысленные, то короткие, то длинные звуки, похожие на разрастающиеся лианы, что буйно и бесконтрольно плелись вокруг.

Сун Цзячжу не понимал, как всё дошло до этого, но его мозг, казалось, временно отключился, отказываясь думать.

Рука, закрывавшая его лицо, становилась всё легче, готовая вот-вот соскользнуть, но всё же упрямо оставалась на месте.

Сун Цзячжу инстинктивно приоткрыл глаза и сквозь пальцы Лин Чжи увидел его запрокинутую шею и закрытые веки.

Хрупкое безумие, чарующая истома, смешанные с чем-то ещё, что Сун Цзячжу не мог описать.

Он не осмелился смотреть дальше, отвёл взгляд и поспешно снова зажмурился.

Но согнутые ноги Лин Чжи, колышущийся край юбки уже отпечатались в его сознании. Воздух стал вязким и душным, словно липкое, хаотичное, сухое лето, готовое вспыхнуть от малейшей искры и не дающее очнуться.

Малиновый цвет юбки был ярким, насыщенным, как бегущая по венам кровь.

Сун Цзячжу невольно задумался, не представляет ли Лин Чжи, закрыв глаза, на его месте кого-то другого, чтобы спасти свой разум из этого плена.

Ему стало немного любопытно, кто может нравиться такому человеку, как Лин Чжи, что он вынужден лишь тайно следить за ним и предаваться мрачным фантазиям.

Хотя, любопытство было мимолётным. Для него это не имело значения.

Сун Цзячжу ещё сильнее зажмурил и без того закрытые глаза, чтобы подавить странную, едкую горечь, разрастающуюся в груди.

Неизвестно, сколько прошло времени, но Сун Цзячжу почувствовал, как рука Лин Чжи соскользнула с его лица. Он открыл глаза и встретился с его слегка расфокусированным взглядом.

Румянец заливал его щёки, а в глазах читалась ленивая удовлетворённость.

Он, пошатываясь, попытался встать, но тут же зашипел от боли и приподнял ногу.

Его чёрный шёлковый гольф был порван. Длинная зацепка резко контрастировала с белой кожей.

— Ты порвал, маленький немой. С тебя должок.

Лин Чжи обвиняюще посмотрел на Сун Цзячжу. Тот, взглянув на декоративную молнию на своих брюках, не понял, как это могло произойти.

Сун Цзячжу немного помолчал, затем, не глядя на Лин Чжи, кивнул и инстинктивно показал на языке жестов, сколько он должен.

Тут же сообразив, что Лин Чжи его не поймёт, он достал из кармана сто юаней и протянул ему.

— Оставь себе, будет плата за завтрашнее занятие.

Лин Чжи потёр виски и снова сел на диван.

— В таком виде я домой не пойду. Переночую у тебя.

Это был не вопрос. Он скинул туфли на толстом каблуке и рухнул на диван.

Диван был невелик, но для его хрупкой фигуры места вполне хватало.

Малиновая плиссированная юбка естественно ниспадала, на её поверхности виднелись белые пятнышки.

Порванный гольф был замечен даже в полумраке. Сун Цзячжу коснулся декоративной молнии на брюках, затем ушёл в свою спальню и, вернувшись с пледом, небрежно накрыл Лин Чжи.

Сун Цзячжу вернулся в комнату и закрыл за собой дверь.

Только сейчас он заметил на своих брюках такое же пятнышко. С неловким выражением он отложил одежду в сторону и решил встать завтра пораньше, чтобы принять душ. Сейчас у него не было ни малейшего желания выходить из спальни.

На диване в гостиной Лин Чжи перевернулся и сел.

Спать в этой одежде было неудобно, да и макияж на лице не был смыт. Если он так и заснёт, то утром Сун Цзячжу, скорее всего, увидит его растрёпанный парик, что будет выглядеть не очень красиво.

Лин Чжи не спешил в ванную. Он знал, что Сун Цзячжу ещё не спит. В его маленькой сумочке была вода для снятия макияжа, он ко всему подготовился.

[Докладываю! Объект миссии только что открывал глаза! Один раз!] — бодро сообщил 01.

Лин Чжи с улыбкой кивнул. Он знал. Момент, когда Сун Цзячжу откроет глаза, был под его контролем — он просто надавил пальцем на то место, где глазу было неудобно, и тот инстинктивно моргнул.

Этого взгляда было достаточно. В конце концов, уши Сун Цзячжу всё слышали.

Лин Чжи снова лёг на диван и установил умный будильник.

[Разбуди меня через два часа.]

[Без проблем!] — ответил 01.

На этом диване было не очень удобно спать. Лин Чжи немного повертелся, привыкая, и закрыл глаза.

Он не собирался, пользуясь случаем, пробираться в спальню Сун Цзячжу. Это была его запретная территория, его личное пространство, куда он никого не пускал.

Закрытая дверь спальни была подобна запертой двери его сердца.

За неделю занятий он в первый же день попытался её прощупать, после чего решил больше не касаться.

Некоторые вещи можно было получить силой, другие — нет.

Нужно действовать постепенно. Спешить некуда.

Лин Чжи действительно устал. Алкоголь, лёгкие стимуляторы и последующее расслабление сделали своё дело — он быстро уснул.

В пять утра Сун Цзячжу открыл глаза.

Его будильник ещё не прозвенел. Он выключил его.

Красные прожилки в глазах выдавали плохой сон. Сун Цзячжу потёр ноющие виски и шумно выдохнул.

По мере взросления он стал реже видеть сны. С помощью врачей качество сна постепенно улучшилось, и хотя иногда воспоминания о прошлом возвращались, большую часть времени он спал без сновидений.

Прошлая ночь была первой за два месяца, когда ему приснился сон. Он видел лицо Лин Чжи, его надломленную стойкость, невинное безумие, колышущуюся юбку, согнутые ноги и тонкий чёрный гольф, который он случайно порвал.

Разница была в том, что во сне Лин Чжи не запрокидывал голову с закрытыми глазами, обнажая длинную шею.

Он смотрел на него, и его взгляд то источал злую, притворную невинность, то наполнялся кристально чистыми слезами.

Будь Лин Чжи девушкой, он, несомненно, стал бы прекрасным видением из юношеских грёз. Но он был парнем, и эта сложная, противоречивая смесь, нарушающая все общественные правила, была настолько яркой, что её невозможно было забыть.

Сун Цзячжу посмотрел на календарь и мысленно вычеркнул ещё один день.

Он вышел из спальни. Проходя мимо гостиной, он увидел затылок Лин Чжи с мягкими, растрёпанными волосами.

Он на миг замер, почувствовав неладное, и заметил на столе парик. Значит, Лин Чжи просыпался ночью.

Он вошёл в ванную и, увидев в корзине для грязного белья одежду, на пять секунд впал в ступор.

Там была вся одежда, включая порванный гольф и нижнее бельё... Значит, Лин Чжи в гостиной...

Сун Цзячжу тут же выскочил из ванной. Увидев плотно задёрнутые шторы, он с облегчением вздохнул.

Если бы этот сумасшедший Лин Чжи был замечен соседями напротив, пошли бы такие слухи, которые он не хотел бы слышать.

Он не мог говорить и никак не смог бы объясниться.

После душа Сун Цзячжу, с влажными волосами, вышел из ванной и встретился взглядом с Лин Чжи, сидевшим на диване.

Синий плед прикрывал его тело ниже ключиц. Он босиком стоял на тёмном деревянном полу. Его чистое лицо без вчерашнего макияжа открывало мягкие юношеские черты.

— Хорошо, что ты ответил на звонок. А то я не знал, кому ещё звонить, — беззаботно сказал Лин Чжи, в его голосе не было и тени чего-то необычного.

Сун Цзячжу взял блокнот и ручку и написал.

«В следующий раз я не отвечу. Тебе лучше больше не ходить в такие места».

— Я вчера впервые туда пошёл. Просто знал, что ты знаешь мой секрет. Иногда я думаю, что быть раскрытым не так уж и плохо. По крайней мере, иногда становится легче.

Лин Чжи посмотрел на парик, его голос стал тише.

В таком виде он был почти неотличим от того тихого и безобидного ученика, каким он был в школе.

Но когда он повернул голову, Сун Цзячжу понял, что это было лишь заблуждение.

— Хорошо, что ты немой, — с улыбкой произнёс юноша. Это была констатация факта, без злости, но скрытое в ней облегчение пробирало до костей.

Теперь Сун Цзячжу было совершенно нелюбопытно, кто нравится Лин Чжи. Он лишь думал о том, как несчастен тот, кого он полюбил.

— Дай мне свою одежду. И нижнее бельё тоже.

Требование Лин Чжи было таким естественным, что Сун Цзячжу сдержал порыв начать с ним спорить.

Лин Чжи не понимал языка жестов, а спорить письменно или печатая было слишком хлопотно. К тому же, не мог же он позволить Лин Чжи бегать голышом. До школы оставался всего час.

Сун Цзячжу нашёл для Лин Чжи свой старый школьный костюм за первый год старшей школы. За эти два года он вырос, и старая одежда была ему мала.

Что касается нижнего белья, Сун Цзячжу достал новое и, отдав Лин Чжи, ушёл в свою

комнату, чтобы тот переоделся.

Лин Чжи пошёл в ванную и переоделся в старую школьную форму Сун Цзячжу.

Хм, судя по одежде и вчерашним ощущениям, это его тоже весьма устраивало, хотя и вызывало некоторое смущение.

Было всего полшестого, а утренняя самоподготовка в Девятой школе начиналась в 6:50.

Лин Чжи взял стиральный порошок Сун Цзячжу и пошёл на балкон стирать одежду.

Услышав шум воды, Сун Цзячжу быстро написал на листке и протянул Лин Чжи.

«Ты не можешь постирать у себя дома? Не суши это у меня».

Лин Чжи прочитал по слогам и ответил:

— Не могу.

Порванный чёрный гольф он выбросил в мусорное ведро и принялся стирать три вещи.

Сун Цзячжу плотно сжал губы. Он был явно недоволен.

— Давай так. Гольф можешь не возмещать. Считай это платой за сушку. Вечером я заберу одежду домой.

Лин Чжи посмотрел на Сун Цзячжу. Тот всё ещё был против, но понимал, что Лин Чжи уже всё решил, и, с холодным выражением лица, ушёл.

Сегодня был понедельник. Вчерашним домашним заданием были два варианта контрольной. Лин Чжи достал из своей маленькой сумочки два сложенных листа и сунул их в рюкзак Сун Цзячжу.

Сун Цзячжу ещё вчера понял, что Лин Чжи позвонил ему намеренно, а теперь окончательно убедился, что всё было спланировано заранее. Он сдержал порыв вытащить листы обратно.

Расписание было неизменным. Второй урок после обеда — физкультура.

Сун Цзячжу невольно вспомнил события прошлой недели. Хотя прошла всего неделя, ему казалось, что прошла вечность. А до промежуточных экзаменов было ещё так долго.

Обычные восемьсот метров. Лин Чжи бежал в равномерном темпе и с трудом добрался до середины группы.

После этого, во время свободного времени, Сун Цзячжу в одиночестве ушёл в тень решать задачи. Лин Чжи не собирался его преследовать.

Перебарщивать не стоило. Вчерашнего и сегодняшнего утреннего стимула было достаточно. На вечер у него тоже были заготовлены сюрпризы, так что сейчас приближаться не было необходимости.

— Как это твоя выносливость улучшилась? Больше не плетёшься с нами в хвосте.

Хэ Юйцин подошла к Лин Чжи и протянула ему конфету.

— Немного занимался аэробикой, вот и выносливость, кажется, стала лучше, — тихо сказал Лин Чжи, по привычке прежнего владельца тела избегая прямого взгляда. Поблагодарив, он поделился своими закусками.

Рядом с Хэ Юйцин были две её подруги — Цяо Юйси и Ван Лин.

У Цяо Юйси тоже была короткая стрижка, она была более спокойной. Ван Лин, худая и высокая, с длинными чёрными волосами, собранными в высокий хвост, обладала вспыльчивым характером.

Лин Чжи заметил это ещё во время прошлой пробежки. Из всей троицы только Хэ Юйцин была слабой в физической подготовке. Две другие девушки могли бежать в середине, а Ван Лин даже в числе первых, но, видимо, не желая оставлять подругу одну, они каждый раз оставались рядом с Хэ Юйцин, иногда даже поддерживая её за руку.

Ван Лин взяла печенье и спросила Лин Чжи:

— Сыграем в пинг-понг? Нас как раз две команды, можем меняться.

Хэ Юйцин взвывла:

— Пощади! Можно мы просто отдохнём? К тому же, я так и не решила ту задачу, о которой ты меня спрашивала.

В отличие от физической подготовки, в учёбе Хэ Юйцин была лучше своих подруг, стабильно входя в пятёрку лучших в классе. Цяо Юйси была середнячком, а Ван Лин — отстающей.

Цяо Юйси предложила:

— Может, потом спросим у учителя математики?

Хэ Юйцин ответила:

— Я была в учительской, его нет. Придётся спрашивать у других учителей из математической группы. Пусть Лю Гао спросит, а мы слушаем!

Лю Гао был старостой по математике, парень в очках.

Ван Лин посмотрела на Лин Чжи и, кивнув в сторону, сказала:

— Спросите у гения.

Как человек, окружённый ореолом славы, да ещё и красивый, Сун Цзячжу вызывал у большинства любопытство. Но его недостаток и отстранённость заставляли всех держаться на расстоянии.

Хоть и с изъязном, но этот изъян не умалял его достоинств. Для многих девушек недостаток Сун Цзячжу, наоборот, пробуждал материнские чувства и сострадание. Но Сун Цзячжу предпочитал одиночество и на все признания вежливо отвечал отказом, поэтому все по негласному согласию старались его не беспокоить.

Услышав слова Ван Лин, Хэ Юйцин и Цяо Юйси тоже посмотрели на Лин Чжи, их глаза блестели от любопытства.

Хэ Юйцин спросила:

— Точно, Лин Чжи, а почему у тебя такие хорошие отношения с гением? Может, потому что вы оба тихие? Сходство характеров?

Ничто не могло укрыться от глаз общественности. Некоторые усердные ученики всегда приходили в класс раньше и замечали некоторые вещи, которые потом быстро распространялись по классу.

Например, несколько дней назад все видели, как Сун Цзячжу принёс в школу рюкзак Лин Чжи и достал из него домашнее задание.

Хотя, кроме этого, они никак не общались, это уже было очень подозрительно.

Но поскольку никто из них не был знаком с обоими, никто не решался подойти и спросить.

Все даже начали предполагать, не нанял ли Лин Чжи гения для написания домашних заданий, но после проверки старостами, собиравшими тетради, выяснилось, что это не так.

Значит, они, возможно, делали уроки вместе, а может, даже жили вместе. В любом случае, было ясно, что у них хорошие отношения.

Лин Чжи улыбнулся и сказал:

— Мы просто соседи по парте.

<http://bllate.org/book/15821/1435071>